

*Лучшие
романы
о любви*

Галия Мавлютова

*Нежное
имя мечты*

Галия Мавлютова

Нежное имя мечты

«ЭКСМО»

2008

Мавлютова Г. С.

Нежное имя мечты / Г. С. Мавлютова — «Эксмо», 2008

Сергею повезло: он мог уходить, возвращаться, устраивать сцены и быть просто равнодушным – Инесса все равно любила его. Даже когда у девушки начались жуткие проблемы на работе, она продолжала любить и верить. Но... оказалось, что все беды и неурядицы – дело рук прекрасного Сергея... И тогда любовь начала умирать. А вместе с ней и Инесса. Вернуть ее к жизни могло только одно – возвращение чувства. И Сергея, конечно. Но возможно ли это – и возможно ли простить подобное?..

© Мавлютова Г. С., 2008

© Эксмо, 2008

Галия Сергеевна Мавлютова

Нежное имя мечты

Сергей вернулся, чтобы уйти. Он хотел остаться, но не смог. И Бобылев ушел. Ушел на улицу. Ушел из моей жизни. Дверь захлопнулась. Вязкой пеленой легла тишина – звенящая и напряженная. Северный ветер, местами порывистый, тот самый, что задувает во все стороны с силой восемнадцать метров в секунду, зачем-то залез в водосточную трубу, прогремел застывшей жестью, громко кашляя и чихая, шумно завозился, устраиваясь поудобнее, и наконец пугово-ливо затих. Гулкая пустота заполнила квартиру и душу. Вместе с Бобылевым ушла моя жизнь. Мы не можем быть вместе. Даже думать об этом нестерпимо больно, мне срочно захотелось проглотить каких-нибудь спасительных таблеток, болеутоляющих. Без любви я не смогу жить и с любовью – тоже. Я – жуткая эгоистка. Получается сплошная фантасмагория, обман зрения и чувств, как в цирке. Кстати, куда уехал цирк? Этот вопрос мучает меня с детства, но я не знаю на него ответа, и никто не знает, скорее всего, цирк вообще переселился на другую планету.

Неслышно подползла ночь. Она была похожа на мою душу – такая же опустошенная и обреченная. Казалось, все телефонные провода оборваны, любая связь с миром утрачена, а живая материя иссякла, израсходовав себя полностью. Котенок прокрался под одеяло, нежно лизнул мое запястье и, мягко прильнув к руке, еле слышно замурлыкал. Пустота отступила, кошачье урчание нарушило границы забвения. Постепенно возвращались звуки. Где-то сигна-лили автомобильные гудки, вот послышался женский смех, что-то невнятное пробормо-тал телевизор у соседей. Громко тикали часы. Секундные стрелки чеканно отмеряли шаги уходящей реальности. Реальность спешила, почти бежала, она торопилась упасть в прошлое. Еще один миг, и моя любовь превратится в осколок времени, в полузабытое воспоминание, в несбывшиеся надежды. Реальность победила любовь. В сущности, я бежала за мишурой, как выяснилось. Я захотела стать ровней Бобылеву, стараясь доказать всему миру, что мы с ним одного поля ягода, дескать, я тоже успешная и богатая, предприимчивая и везучая. Кажется, я во многом преуспела. Теперь у меня есть иномарка, деньги, положение и успешная карьера. Но во всем этом нет одного – Сергея. И больше не будет. Он ушел, и дверь захлопнулась. Никогда не открывай дверь, если не уверена, что сможешь ее закрыть. Я не сумела. Меня не научили. Даже высшее образование мне не помогло. И знание английского языка не спасло. Если бы женщины нашей планеты могли удержать любимого мужчину цепями лингвистических спо-собностей, мир давно бы превратился в рай на земле...

Я так и не заснула. Глаза напряженно следили за сереющей пустотой. Нужно было при-слушаться к советам колдунов. Я должна была присушить любимого. Для этой благородной цели знахари рекомендуют вшить любовный талисман в подкладку пиджака. А я не послуша-лась, отдала волшебный камень Бобылеву в руки. Бред какой-то, все кругом мистика и обман. Современное колдовство – эхо далекого средневековья. Так стоит ли верить колдунам и гадал-кам!.. Есть одно правило, почти закон, причем незыблемый – нельзя обманывать любовь. И категорически запрещено продавать душу дьяволу за деньги и кабриолет. За все нужно пла-тить. И я заплатила.

Наконец наступило вождеденное утро. Котенок лизнул мою ладонь, мне стало щекотно. Я зажмурилась. Жизнь объявляла побудку. Она требовала вернуть в строй мое бездушное тело. Что ж, попробую жить без любви и души. Попробую, может, получится.

Пока я прощалась с моей любовью, заменившей мне жизнь, мир наслаждался ее бесхит-ростными дарами. Казалось, в атмосфере «Планеты» до сих пор витают отголоски свадьбы. Сотрудники фирмы еще не вошли в привычную колею, их глаза светятся живым блеском, они до сих пор мысленно куролесят, флиртуют, объедаются деликатесами. Кому что нравится. В

жизни всегда есть выбор. При разнообразии удовольствий всех коллег, похоже, замучила одинаковая послепраздничная хворь, мигрень, по симптомам сходная с компьютерной. Мое появление в офисе произвело настоящий фурор. Так и есть, меня уже причислили к лику святых за причастность к божеству, ведь меня провожал сам Бобылев на глазах всей «Планеты». Я судорожно вздохнула: родной коллектив всегда начеку. Все видели, что Сергей увез меня, но никто не знает, чем закончилось наше роковое свидание. Но об этом никто не знает. Пока – не знает.

– А где наши юные молодожены? – спросила я, чтобы прервать затянувшуюся паузу и заодно усадить «планетян» за рабочие места. Но сотрудники стояли, вытянув руки вдоль туловищ, напряженно поводя глазами.

– Да что это с вами? Садитесь уже, – почти крикнула я.

Все проворно, как первоклассники ранним утром первого сентября, уселись за столы. Возлюбленная хозяйина фирмы по значимости приравняется к супруге президента. Ведь у нее появляется новый статус, она становится королевой положения. Знали бы они, глупые, что мужчина моей жизни ушел из моего сердца, не попрощавшись, только дверью хлопнул.

– Егорова, расскажи, как прошла свадьба, – я милостиво тронула невесту за плечо. Маринка нервно вздрогнула.

– Нормально, – фыркнула Егорова, но тут же спохватилась и торопливо добавила: – Хорошо прошла. Хорошо. Никто не напился. Не подрался. Ничего не разбили. Все прошло очень прилично.

– Что это за свадьба? – засмеялась я. – Никакого свинячества. Скучно. А экстрим?

– Самый большой экстрим у нас это ты, Инесса, – нежно проворковала Егорова, подставляя свое плечо под мою руку.

Маринка ласкалась ко мне, как котенок, а меня едва не стошнило от ее льстивого говорка. Неприкрытая лезть глубоко ранила душу, гораздо глубже, чем заурядное хамство. Странное зрелище увидела я. Сотрудники сидят на стульях, перед ними компьютеры, тетради, блокноты и карандаши, а их тела вытягиваются в длинные и гибкие лианы. Я вздрогнула. Мне показалось, эти живые лианы обвиваются вокруг меня жестким кольцом, как огромные змеи. Они же меня задушат! Я оглянулась. Нигде нет спасения. На меня смотрел Слащев. Алексей стоял у двери, явно наслаждаясь картиной. Некоронованная царица, к стопам которой припали коленопреклоненные рабы. Но Слащев устоял, ноги у него длинные и крепкие, они и не такое выдерживали. Мы уставились друг другу в глаза. Взгляд во взгляд – поединок, кто кого переглядит. В его глазах бежала распечатка. У него не глаза – сверхскоростной принтер. Он все знал и не собирался этого скрывать. Я пробежалась глазами по тексту. Все ясно. Я проиграла. Моя карьера в милой «Планете» бесславно завершилась. Можно выходить из игры в гляделки. Я отвела взгляд – побежденная, а Слащев вышел из офиса – победитель. Верноподданные сотрудники разом переориентировались. Они тоже играли в нашу игру, читая вместе со мной распечатку слащевских намерений. И угоднический прилив ушел в океан забвения. С меня вмиг стащили корону, разодрали в клочья царственное платье, оставив нагой. На пустом берегу стояла голая баба при разбитом корыте.

– Веткина, а тебя в бухгалтерию вызывают, – бросил на ходу Гришанков, он пулей пронесся мимо меня.

На Колином лице нет отпечатков следов брачной ночи. Обычный Гришанков, такой же, как и до свадьбы. Обрадовался, что Веткину уволили, наконец-то освободилась заветная должность. Многолетний противник всю оставшуюся жизнь проведет в закоулках жизни, так думает бедный Гришанков. Неправильно думает. Я уже точно знала, что меня уволили. Слащев ни за что не оставил бы меня в корпорации. Провинившийся должен покинуть ряды законопослушных сотрудников «Планеты». Даже Бобылев не смог бы парировать удар Слащева. Алексей всемогущ, а я нарушила основные заповеди фирмы: не кради там, где работаешь. Можно грабить конкурирующую фирму. Это – пожалуйста. Такой отъем приветствуется негласным уста-

вом неформального профсоюза. Если же сотрудник берет «левые» деньги на своем проекте – он совершает преступление против руководства компании. Это почти то же самое, что украсть личные вещи у Слащева или у кого-нибудь из членов совета директоров корпорации.

Я уныло поплелась в бухгалтерию. Мне выдали злополучный конверт с неприкосновенным запасом, достаточно вместительный, но какой-то узенький очень и длинненький.

– Пересчитайте, – буркнула мне женщина со странной прической.

Спереди она была пострижена, как Хакамада, а на затылке – как Пугачева. Я держала конверт в руках и представляла себе Ирину и Аллу в одном флаконе. Получилось что-то яркое и убойное, поэтому деньги сосчитать я не смогла. Скомкав бумажки, сунула их обратно в конверт. Кассирша заметила мое замешательство и зарделась от удовольствия. Она решила взорвать тусклое существование среди цифр и отчетов своей прической и добилась цели. Я вышла, в дверях не удержалась и еще раз оглянулась. Впечатляет!

В офисе мне больше делать нечего. Странно. Ведь я успешно работала в корпорации, дружила с коллегами, скопом отмечали все праздники, часто собирались на веселые посиделки. А попрощаться не с кем. Нет ни одного человека в «Планете», кому можно уткнуться в плечо и пустить две-три слезинки. Неправда. Зачем кривить душой? Есть один. Хорошенький такой, в приемной генерального. Мне хотелось поплакать в пиджак Бобылева, но он высоко, до него не дотянуться. Остальные жилетки не в счет. Блинова сама ищет носовой платок в форме мужского пиджака. Егорова ни за что не позволит высморкаться в себя. Она теперь замужняя дама. Можно позвонить Брюзгину, но он еще тот утешальщик. Паша сам мечтает приткнуться на чьей-нибудь груди и всласть порыдать. Вот так, народу тьма, а поплакать не с кем. Придется зализовать раны в компании с кошкой.

Медленно, шаг за шагом, я вышла из зеркального здания. На улице резко пахло весной. Волнующий запах разгонял в разные стороны мой старый друг северный ветер. Я оглянулась. Слишком много стекла, зеркала и неона в этом сверкающем волшебном доме. Какой-то ненастоящий, словно игрушечный. Фата-моргана, иллюзорный рай, в котором умнице и красавице Инессе Веткиной не хватило места.

В кого превращается ангел, изгнанный из рая? Наверное, в мстителя, но чаще всего в конкурента. Ни тем, ни другим мне становиться в эту минуту не хотелось. Я смотрела на волшебный дом, где осталась моя странная любовь. В этом доме царил Бобылев. Хозяин большого дома. Он сам построил его, собрал по кирпичику, создал своими руками. И меня там не будет. Я резко повернулась и побежала к стоянке. Пусто и одиноко, как во всем мире. Стоянка пустовала. Никого – ни людей, ни машин. Мой кабриолет исчез. Испарился. Я сразу поняла, в чем дело. Его угнали. Как пришло, так и ушло – легко и загадочно. Я осталась ни с чем, без работы, без машины, зато с неприкосновенным запасом в кармане. Я пошла пешком, плотно прижимая сумочку к груди, чтобы не утратить последнее. Идти трудно, в городе нечем дышать, чистый воздух закончился, канцерогенные испарения, казалось, застревали в носу. В утренних новостях обещали помыть тротуары настоящим шампунем. В субботу. Правительственное обещание вселяло надежду на чистый воздух и лучшие времена.

Все закончилось благополучно. Мой ультимо в «Планете» безвозвратно истек. Настало время подумать о будущем, мне нужно отыскать виноватого, самого крайнего, на кого можно попенять. Но, кроме себя, винить некого в собственных бедах, сама во всем виновата. Модные психологи рекомендуют немедленно избавляться от комплекса вины. Почувствовал в себе нечто подобное – срочно выметаю из души сор. Веником его, веником, голиком добела душу выскобли. А как ощутишь в себе легкость – начинай новую жизнь с нуля, как грудной младенец, и снова зарабатывай на жизнь свежие комплексы. Но никакие рассуждения, даже самые мудрые, мне не помогали. Я поняла, что случайно вляпалась в большую беду. С работы вылетела, машину угнали. В милицию не стала обращаться. Некогда тут по органам бегать, сначала

нужно найти работу. Материальное благополучие – это основа. Быть бедным и унылым нынче не модно и не стильно. Не гламурно это и очень стыдно. Есть у меня один приятель. Рогачев. Недавно он разбогател, а каким образом умудрился, скрывает. От старых друзей прячется. Я вытащила на поверхность всю мою храбрость и позвонила Рогачеву.

– Миш, ты со мной еще дружишь? – спросила я, ожидая услышать короткие пилящие гудки.

Богач никогда не поймет бедняка. Услышав мой голос, Мишка непременно прикинется незнакомцем из страны дураков, но Рогачев не отключил трубку, лишь усмехнулся. Из мембраны послышался короткий, довольно едкий смешок. Самодовольный и циничный пижон этот Рогачев. Я раздраженно дернула трубкой.

– Инесса, это ты? Да дружу я с тобой, дружу, – сказал Рогачев, – ты чего? Опять тебя Бобылев уволил? Развели на фирме семейственность. Весь город над вами смеется.

– Уволил, Миш, уволил, опять я без работы осталась. Не знаю, что и делать, – я спешно сконструировала пикантную мордочку, будто Рогачев со своей далекой полосы богатства и успеха мог увидеть мое унылое фиглярство.

– Ничем не могу помочь, что я тут могу поделаться, ничего не могу, – завел нудную волюнку типа «могу – не могу» Мишка, вроде увидел, какие рожицы я ему корчу в трубку.

Я вовремя себя остановила, одернула, как пиджак. Пикантная мордашка вмиг спряталась. Обывательская точка зрения, мещанская. Правильно Рогачев делает. Так нам всем и надо! Не смогли вырваться вперед в жизненной гонке – теперь пропадайте, черт с вами. Нечего у богатых пороги обивать. Я уже решила отключить телефон, но Рогачев вдруг передумал. Наверное, Мишка не окончательно пропал. Есть у него совесть, хоть малая толика, но осталась. Большие деньги еще не дотла выжгли Мишкину душу.

– Тебе что, работа нужна? – спросил нормальным голосом Рогачев.

– Ну, это... да, то есть... нет... какая-нибудь, – пробормотала я, справляясь с неловкостью. Стыдно все-таки одалживаться у бывшего приятеля. – Вообще-то, Миш, мне работа нужна, ой, как нужна. Хочу работать, пахать, сеять разумные семена, пропалывать добрые всходы. Помоги, Миша! Ты все можешь. Ты же всемогущий.

Я накренилась в сторону неприкрытой лести, как валкий морской ботик на вспенившейся морской волне. Куда могу, туда и плыву, и еще не знаю, что дно безнадежно продырявлено. Лодка дала течь. Вода медленно поступает сквозь узкие щели.

– Ой-ой-ой, Инесса, твои слова да богу бы в уши, – заржал Рогачев. – Умеешь ты леща вовремя подкинуть. Великая мастерица.

– Правда, Миш, чистая правда, ты теперь всемогущий, а у меня машину угнали, – я прикинулась простушкой.

Инесса Веткина во весь голос запела Лазаря. Все на этом свете повторяется. Бедный Лазарь. Ему в свое время никто не поверил, он умер с мольбой на устах и с пустым желудком. Знать бы заранее, поверит моим стонам Миша или все-таки прогонит, как голодного Лазаря.

– А ты кредит вернула? – спросил Рогачев. Строго так спросил. И многозначительно замолчал. Наступила пауза, долгая и мучительная. Я размышляла, как поступить: если сказать, что я не вернула кредит, Мишка может поступить двояко – либо кинется оказывать первую помощь, либо отключит телефон. Лучше правду скажу.

– Вернула, Миш, вернула. Долгов у меня нет, все чисто и стерильно, как в аптеке.

– Молодец, – похвалил Рогачев, вздохнув с облегчением, видимо, сильно испугался, что попрошу денег. – У меня есть корешок в Доме творчества, позвони ему. Он поможет пристроиться, временно. Потом найдешь что-нибудь попримечнее.

– А что там, в Домтворе, совсем дела плохи? Неприлично платят? – спросила я, наморщив лоб.

Я попыталась нарисовать лица сотрудников Дома творчества – сплошные писатели и писательницы, художники и художницы. Но вместо лиц на этюде получились смазанные пятна – серые, скучные, невыразительные. И чем они занимаются в течение рабочего дня? Составляют дайджест, разгадывают кроссворды, играют в пятнашки? Наверное, пишут и сочиняют свои шедевры. Нетленки, иначе говоря. Ну-ну...

– Платят в Домтворе абсолютно неприлично, после твоих заработков ты будешь злобно хохотать в день полочки, как Медуза-горгона, – ненавязчиво пошутил Рогачев, – но там связи, положение, общество, элита, тусовки, пресса и прочее. Познакомишься с кем-нибудь, войдешь в контакт, только не в половой, смотри опять не обожгись, и потом подыщешь себе что-нибудь стоящее. Будешь записывать номер?

– Да, говори, записываю! – Я бросилась искать ручку, но не нашла, тупо уставилась в потолок, будто оттуда мог упасть карандаш вместе с блокнотом. Кто же так ищет работу? Не подготовилась, даже письменные принадлежности не положила рядом с собой, Рогачеву нельзя признаваться – засмеет. И откажет в рекомендации.

– Ручку нашла? – спросил Миша.

– Да, нашла, уже пишу. – Я решила напрячь мозги и запомнить номер. Знаменитая закладка – ляссе. Нужную информацию необходимо повторить три раза. Непременно – три раза. Тогда надобность в пишущих средствах отпадает. И мозг работает опять-таки на полную катушку. Мне хотелось побыстрее свернуть телефонный диалог. Беседа с юным олигархом мне была в тягость.

– Позвони, съезди к творческим людям, только не вздумай подвести меня, чтобы все было чуки-чуки. Знакомый паренек задолжал мне энную сумму. Так что дело твое обязательно выгорит. Работу он тебе найдет... – Рогачев неожиданно раскрыл всю подноготную сложных взаимоотношений с творчеством.

– За деньги, что ли? – угрюмо поинтересовалась я.

– А ты как думала, ты что, Инесса, с луны свалилась? Рекомендация по телефону денег стоит, клади двести баксов на кон, если хочешь, чтобы позвонили куда следует. И от результата не зависит, заметь. Человек делает звонок – гони бабки, лучше евриками. Инфляция. Черного нала нет в стране, начисто исчез. Люди измучились без налички. Повсюду тарифы ввели. Вот такие, Инесса, расценки... – Миша терпеливо разъяснял новые условия трудоустройства, словно я совсем тупая, а я безуспешно пыталась справиться с воображением. Тарифные сетки звенели в ушах, как комары в дождливый день. Где-то глухо рокотал черный нал. На телефонном аппарате незримо расцветали зеленоватые американские ассигнации, как две недозрелые виноградные лозы.

– А сколько ты возьмешь с меня, Миша, за номер телефона твоего должника? – спросила я, внутренне напрягаясь.

Двести зеленых здорово ударят по неприкосновенному запасу, можно сказать, опустошат его, и брешь будет заметной. Так прорастет еще одна дыра в моем одиноком ялике.

– Ничего не возьму, Инесса, с тебя. Трудоустраивайся на здоровье. Когда будешь работать в Домтворе, разберемся, – подробно объяснял создавшееся положение бывший друг.

Везет же мне на негодяев, откуда они появляются на свет, из какого темного места приходят?

– Ладно, посмотрим, – я отключила телефон.

От Мишиного голоса мне стало тошно. Противный он все-таки. Я выглядела в собственных глазах изрядной эгоисткой. Миша безвозмездно оказал мне услугу, двести баксов сэкономил безработной девушке, словно из собственного кармана вынул, а я еще дуюсь на него. До сих пор изволю пребывать в солнечном детстве. Я похожа на пальму в феерическом саду Сергея Бобылева, все тоскую и прозябаю, а в это время в сказочном раю цветут филодендроны и бонсаи, флердоранжи и флоксы. Стоп. Кажется, флердоранжи из другой оперы. Это цветок

новобрачных. Дивный символ юности и невинности нечаянно оказался в моих воображаемых страхах. И как он туда забрался? Я зажмурилась. Мне стало немножко страшно. Я представила увядшие свадебные цветы, обрамляющие мое изможденное безработицей лицо. И передернулась. Какой прелестный конец занимательной истории. Возлюбленные оказались на разных параллелях. Им никак не соединиться. Я закрыла глаза, крепче сжала веки. Дурная привычка. Как много у меня ужасных привычек. Я жмурюсь, морщу лоб, вредничаю, злюсь на бывших друзей. Бобылев уже забыл обо мне. Он находится на небе, в окружении пышных филодендронов, а Слащев и компания курят ему фимиам. Я представила сотрудников «Планеты», окуривающих Сергея Викторовича с головы до ног, и вновь зажмурилась. От видения внутри меня словно что-то загорелось, я потрогала виски, прохладная кожа остудила пылающую ладонь. И я принялась выкидывать из гардероба вещи. Все ненужные, бесполезные, вычурные наряды придется выкинуть. Столько денег выброшено на ветер, тот самый, северный. Этих средств хватило бы на три года беззаботной жизни хоть на Канарских островах. Но деньги истрачены на суетную погоню за престижем. Дорогостоящий престиж я свалила в одну большую кучу. Все-все на помойку. Вот эта юбка обошлась мне в триста евро. Не юбка – узкая полоска из прозрачной ткани. Стильный пиджак здорово стукнул по кошельку, я заплатила за него уйму денег, короткий, чуть выше пупка, в этом пиджачке можно загорать на пляже, а не на работу наниматься. Сапоги на платформе обошлись, страшно подумать, во что они обошлись, итак, на помойку отправится целое состояние. Над этой кучей можно рыдать и биться в истерику при мысли о собственной глупости. Той самой, которая билась в виске в тот момент, когда нарядное платье или кофточка вызвали зависть окружающих. Изящный комплимент, косой взгляд, наполненный восхищением, восторженное поклонение – все это можно суммировать, затем подбить баланс.

Все в этом мире стоит денег. А красота – отнюдь не дешевый товар. Теперь мне некуда сбыть это богатство, и в Домтворе меня отравят каким-нибудь медным купоросом, если я приду в пиджаке или брючках от Версаче. У меня нет нормальной одежды, как у всех. Теперь мне придется ездить в метро и троллейбусе, ходить пешком по улицам и проспектам, переулкам и закоулкам. Мои роскошные ботфорты абсолютно не пригодны для уличных прогулок. В них можно ездить в машине, из подъезда сразу в салон, и не дай боже ступить в лужу. Если наступишь – драгоценный ботфорт растает на глазах. Две тысячи евро превратятся в мираж. Из меня никогда не получится путного олигарха. Зря старалась. Акула должна питаться мелкой рыбой с момента рождения. Если я никого не скушала за двадцать семь лет, значит, никогда не стану хищницей. И уже никогда не поднимусь вровень с Бобылевым. И тут же я одернула себя: неужели любовь – вечное соперничество? Это же сплошная конкуренция получается. Везде – в жизни, в карьере, в любви. В сексе, в конце концов. Непременно нужно кого-то догонять, доказывать, убеждать, и если ты этого не делаешь, смысл твоего существования превращается в фантом. Смысл вроде бы и есть, но его нет, так себе, одно обличье, а внутренности акула съела. Я со злостью пихнула ногой гору одежды. Хоть голой выходи на улицу. Совершенно нечего надеть для приличного заведения. Домтворт – это вам не фунт изюма. И не «Планета». Мне изрядно претила мысль о моей новой работе. Даже слегка подташнивало от сознания, что мне придется изо дня в день подниматься по прогнившим ступеням ветхого, богом и людьми забытого учреждения. Но Рогачев дурного не посоветует. Миша – «баксовый» гений, с молодых ногтей он точно знает, где деньги под ногами валяются. И я вмиг повеселела. Отыскала в копне одежды сиреневый свитер с полуистертым лейблом, узкую юбку из черного крепа, отбросила всяческие украшения, даже клипсы сдернула с ушей. Ничего вызывающего, ничего привлекающего внимание. Миру явилась скромная молодая женщина, сбившая ноги и обувь в поисках средств к существованию. Кто из нашего брата не был в подобном унижительном состоянии? Да каждая вторая, если не сказать больше, почти каждая. Да ладно, были бы руки и голова,

а на кусок хлеба всегда можно заработать. Кабриолет жалко. Такой красивый был. Сейчас бы он нежно агукнул на зов сигнализации, умильно заурчал, и мы бы весело покатали по пыльным улицам Питера. Дороги еще не успели отмыть после зимних сугробов. Но мой любимый автомобиль прибрали к рукам злые дяди. Кабриолет весело агукает теперь совершенно другим людям. А я буду ездить в маршрутном такси. Хотя, пожалуй, немного дороговато. Семнадцать рублей за рейс. Если я пройду пешком до Невского, ничего страшного не произойдет. Только польза для организма, измученного автомобильными гонками и пробками. Перекуем мечи на орала. Поменяем колеса на пеший ход. Накинув черную курточку, простую, незатейливую, без молний и ковбойских нашивок, без строчек и накладных карманов, я вышла на лестничную площадку. Котенок жалобно мяукнул вслед, видимо, пожелал удачи хозяйке. В кошачьем «мяу» звучала явная заинтересованность. Животное не может без ежедневной порции «Вискаса». Мне нужно работать не только для себя. Зато у меня есть смысл жизни. Дверь мягко чмокнула защелкой, почти беззвучно, странно, но, когда уходил Бобылев, она грохнула семизарядной картечью, как пушка на Петропавловке в полдень.

Сосед лениво ковырялся во дворе, перетаскивая с места на место нечто неопределенное. В лыжной шапочке с помпончиком, трениках с вытянутыми коленями, короткой курточке, задранной почти до шеи, сосед был похож на беглеца из подростковой колонии. Седые усы злорадно топорщились, будто он уже знал, что меня уволили с работы. Наверное, ему Слащев сообщил. Хотя они незнакомы. Но Алексей, видимо, сумел наладить виртуальную связь со всем окружающим меня миром.

– Добрый день, Борис Захарыч, – звонко выкрикнула я, мысленно пожелав соседу пегую седину в бороду и злого беса в ребро.

Все-таки весна на дворе. У природы нет барьеров от злых соседей.

– Доброго вам дня, Инесса, – приветливо осклабился сосед и потащил какую-то тяжелую емкость в дальний угол двора.

День приобрел содержание. Я разглядела мелкие черточки на лице соседа, заметила, что двор чисто выметен, даже собачье дерьмо вычищено. Необычная чистота насторожила меня, наверное, с непривычки. Оказывается, на свете столько необыкновенного, если хоть один разок посмотреть на мир внимательнее. Мне надоело глазеть на чистый двор, на бесноватого соседа, и я резво помчалась по набережной. В Доме творческих работников меня терпеливо дожидался Витя Лупенков, приятель Миши Рогачева и заодно его должник. Вообще-то Лупенков не работает в Союзе творческих работников, он там околачивается. Есть такой сорт людей в среде питерских разгильдяев. Они вечно кого-то пристраивают, устраивают, рекомендуют, хулят, сплетничают, разносят дурные слухи, освистывают, пьют пиво и шумно отдуваются. Иногда они даже возвращают долги. Но это случается гораздо реже, чем того требуют элементарные правила приличия. Витя Лупенков появился не вдруг, не сам по себе. Миша нашел Лупенкова в своей записной книжке. И после Мишкиного звонка Витя готов совершить благое дело. Баш на баш. Услуга за услугу. Трудоустройство Инессы Веткиной оценено в двести баксов. Не слишком высокая цена у меня оказалась. Могли бы и подороже сторговаться.

– Инесса? – спросил невзрачный щуплый человечек, опершийся на истертые временем и тленом лестничные перила Дома творчества.

– Витя? – в свою очередь спросила я, хотя можно было и не вопрошать, это был именно Витя Лупенков, вылупившийся на моих глазах из тьмы, как цыпленок из яйца.

– Я-а, – самодовольно выдохнул Лупенков и протянул мне руку. Я нерешительно пожала кончики костлявых пальцев с обломанными ногтями.

– А я – Инесса Веткина, – сказала я и добавила зачем-то: – Я от Мишки Рогачева.

– Знаю-знаю, – загадочным тоном прошептал Лупенков.

Витя сморщил крохотное личико, и оно незамедлительно превратилось в фигу, которая сухофрукт. Мне сильно расхотелось работать по его рекомендации. Но в памяти всплыл коте-

нок, и я сомкнула губы в плотный замок. Я хочу-хочу-хочу-хочу и еще раз хочу работать в этом знаменитом Доме творчества. Очень хороший дом, добротный, лестница тут красивая, истертая, но не до самого основания, можно спокойно преодолевать ступени без риска для жизни.

– Витя, Миша сказал, что вы можете помочь мне, – я выговаривала слова старательно, по-девчоночьи, чтобы не расцепить губы. Еще ни разу в жизни я ни с кем так не разговаривала. Губы плотно сжаты, слова выходят гладкие, ровные, как морская галька.

– Правильно Миша сказал, – Витя выправил лицо, разгладил, и оно стало похоже на чайное блюдце. – Идем со мной, Инесса.

– Куда? – испугалась я. – Куда мы пойдем, зачем, почему?

Замок разжался, слова полетали из меня, как пули. Получилась отличная автоматная очередь.

– У нас здесь есть один институт, коммерческий, что-то вроде секты, они религиозные обряды изучают, у них освободилось место. Вакансия висит уже месяц. Подходящего человека не было. Идем, я тебя познакомлю с исполнительным директором. – Витя тяжело пошел впереди меня. Несмотря на малый вес, Лупенков шел с трудом, как неповоротливый слон, страдающий ожирением.

– А почему они месяц не могут найти сотрудника, что, никто не хочет у них работать? – спросила я, стараясь не вырываться вперед, чтобы идти ровно след в след.

– Нужен свой человек, понимаешь, Инесса, они чужим не доверяют, – заговорщически прошептал Витя и чуть не полетел с лестницы, видимо, споткнулся.

– Ой, не могу, – я остановилась, схватилась за поручни лестницы.

Проклятый Рогачев, подsunул мне этого Лупенкова. Я не хочу вливаться в тайную организацию, мне моих страданий достаточно.

– Что «ой», «ой», «ой», – передразнил меня Витя, продолжая трудное восхождение по стертým ступеням Дома творчества. – Отличное место. Главное, ничего делать не надо, сиди себе, собирай бабло в мешочек и не рви нервы. Думаешь, они голодают, эти коммерческие институты? Нет, они не голодают. Или они покушать не любят? Они очень любят покушать.

Витя разговаривал сам с собой. Сам себя спрашивал, сам себе отвечал. Мне пришлось возобновить прерванное восхождение. Я тихо двинулась вслед за Лупенковым. Я представила себе лоснящиеся физиономии членов тайной секты, вот они вкушают освежеванного барашка, запивает жирное мясо полными бокалами «Мукузани» и пива. Но вообще-то сектантам, наверное, запрещено выпивать во время рабочего дня. Они, видимо, ждут не дождутся вечерних сумерек, затем наглухо зашторивают окна и вволю предаются чревоугодию, поедая обильную и жирную пищу, запивая ее «Мукузани», соляной кислотой или еще чем-нибудь. Но в этом месте Витя прервал течение моих крамольных мыслей.

– За место – бабло положено, – прошепел Лупенков, вмиг превратившись в скрягу-карлика.

Когтистый взгляд, скрюченные руки, обломанные ногти. Господи, как я хочу обратно в родную «Планету», ну хоть бы одним глазком взглянуть.

– Но у меня нет с собой денег, – возразила я, надеясь, что со временем Витя одумается, пожалеет одинокую девушку и не возьмет плату за устройство на работу. Ведь мы направляемся, между прочим, не куда-нибудь, а в религиозную секту.

– Ладно, – миролюбиво сказал Витя, – потом догонишь бабло. Вот, мы уже пришли.

Лупенков толкнул мохнатую от пыли дверь. Мы очутились в тесной комнатке, заставленной от пола до потолка огромными картонными коробками. Наверное, в этих коробках хранятся секретные материалы. Подписанты всех мастей уложены в тесные ряды, прямо друг на друга. Их адреса, явки и номера телефонов. Иногда кто-то невзрачный собирает подписи на Невском в пользу невинно загубленных душ. Даже ко мне однажды пристали, но я в ту минуту

гналась за ускользящим, как угорь, бесценным клиентом и поэтому отказалась подписывать протест в защиту обездоленных.

– Это мы! – громогласно заявил Лупенков. Между коробками возникла молодая особа – полная, румяная, с пышными формами. Статная девушка. Ничего от сектантки в ней не было, сплошной грех налицо.

– Ой, Витя, приве-е-ет, я рада тебя видеть, проходи, – ласково пропела статная барышня и исчезла в коробочном лесу.

Мы с трудом продрались сквозь завалы и барьеры и оказались возле большого письменного стола. На столе глыбами громоздились папки; много папок – толстых, тонких, разноцветных. Мне стало скучно. Где же здесь работать? Даже компьютера нет. Тайные сектанты контактируют со всем миром посредством голубиной почты? Не доверяют Интернету?

– Это – Инесса, – галантно произнес Витя и даже мою руку слегка поддержнул, дескать, стой, как надо, не ломайся. Хорошо еще, что не ущипнул.

– А я – А-аксинья, – пропела розовощекая девушка.

– Это хорошо, – сказала я и задумалась, а если бы моя мама назвала меня Аксиньей? Что было бы?

Аксинья Веткина. Аксинья и Сергей. Ф-ф-у-у... Моя мама все-таки очень умная женщина. Зря я на нее иногда обижаюсь.

– А что хорошо? – в один голос спросили Аксинья и Витя. Оба уставились на меня, будто я сказала что-то непотребное в присутствии малолетних детей.

– Хорошо, что вы – Аксинья, а я – Инесса. И у нас с вами есть Виктор, – я погладила Лупенкова по плечу. Витя нервно вздрогнул, видимо, не привык к женской ласке. Может, его подташнивает от женских поглаживаний. Кто знает. В чужую голову не заглянешь.

– Ксюша, Инесса – это та самая девушка, о которой я тебе уже говорил. Ей срочно нужна работа. Любая. За Инессу поручился сам Рогачев.

Быстро растут олигархи, размножаются с космической скоростью, как плесень в биологической лаборатории. Недавно Миша слыл бомжом, жил в Питере без прописки, был простым и хорошим парнем, очень душевным, мы с ним пиво дули напропалую, анекдоты травили, а теперь он стал называться Сам Рогачев. Нынешнее время вывело свою формулу, появилась приставка – Сам. Сам Рогачев. Сам Бобылев. Впечатляет. Как встарь – боярин Морозов, воевода Романов.

– Ой, Мишка, как он, что с ним? – несказанно обрадовалась Аксинья.

– Нормально, привет тебе передавал, – деловито буркнул Лупенков, дескать, девчонки, не отвлекайтесь на глупости. Дело делать надо. Бизнес превыше всего. Баблю требует постоянного напряжения.

– Инесса, проходите. – Аксинья даже побурела от неприкрытого намека. Мгновенная реакция. Дисциплинированная сотрудница. Аксинья засуетилась, разволновалась, груди вздыбились, разошлись в разные стороны, руки затрепетали, а я даже немного испугалась. Как бы в обморок девушка ненароком не свалилась. Нам с Витей ее не поднять. Проход-то секретными коробками заставлен.

– Ксюш, ты объясни, что к чему, чем должна заниматься Инесса, у меня дела. Вечером забегу.

И Лупенков улетучился. Повелительный Витин тон возымел действие. Аксинья послушно проинструктировала меня. Она доставала сверху папки, открывала, листала, шуршала, в общем, всячески угождала мне. Я сразу поняла, что Витя Лупенков в этом доме – грозный начальник. Аксинья ему безмолвно во всем подчиняется. Странная контора. На сектанта Витя абсолютно не похож. Я не выдержала и пошла в атаку первой, не дожидаясь наступления противника.

– Аксинья, что я должна делать конкретно? – спросила я, подозрительно косясь на пик папочной горы. Пик упирался в потолок. А высота потолков в этом здании около четырех метров.

– Делать обзоры, составлять таблицы, проводить анализ информации, – заговорила по-русски Аксинья.

Я внутренне взвыла. Эту нудную работу в «Планете» делают шустрые ребяташки из поколения юных и смелых. А тут... Нужно начинать новое восхождение на очередную Голгофу.

– Согласна, – мне пришлось покориться суровым обстоятельствам. Нужно жить в тех условиях, которые нам предлагает жизнь. Жизнь в лице Рогачева предложила мне работу в качестве стажера в тайной организации. Пусть. Согласна. Переквалифицируюсь в стажеры. Меня не убудет. Зато я останусь просто Инессой Веткиной, без глупой приставки к имени.

Весь следующий день ушел на изучение пожелтевших газет. Аксинья не страдала чрезмерным трудолюбием. Она усердно кипятила чайник, подливала воду из графина, а за водой уходила куда-то далеко и надолго. Наверное, источник находился в Веселом Поселке. К середине дня гора из папок заметно осела. Пик слегка ополз книзу. Аксинья загрустила. Она только что вернулась из далекого похода за водой. Графин в руках дрожал. Еще мгновение, и он сверзится на пол, я ловко подхватила графин из ослабевших рук Аксиньи.

– Ксюш, ты чего? Плохо тебе? – спросила я, интуитивно догадываясь, откуда ветер дует.

– Инесса, ты что, решила все папки разобрать? – девушка с графином не скрывала раздражения.

– Да, а что? – недоумевала я.

Если гора сойдет в долину, стол очистится, за ним можно будет нормально работать. Антикварный стол, солидный. За него не то что пять, целых десять сектантов могут враз засесть.

– Не спеши, – надменно процедила Аксинья. – Остуди свой пыл. Вечером придет генеральный директор, будет рассматривать твою кандидатуру.

– А кто у вас директор? – спросила я.

Вообще-то мне думалось, что после рекомендации Самого Рогачева, никакой директор нам не помеха. Оказалось, не все так просто. Есть еще в штате некий мистер Фунт. Я ошиблась, оказалось, в штате присутствует миссис Фунт.

– Госпожа Старосельская. Мария Яковлевна. Она только что звонила.

Аксинья как-то разом потускнела, покрылась пылью, зацвела плесенью. С чего бы это? А я, наоборот, успокоилась. Вытащила наугад одну из старых газет времен перестройки и принялась разгадывать кроссворд. Если точнее, то заполняла оставшиеся пустыми клетки потому, что некто лет пятнадцать назад уже начал разгадывать это дело. Но не вытерпел и бросил на середине. Я решила закончить его. В разгар процесса меня осенило: нельзя бросать начатое. Нужно обязательно домучить до конца. Лучше умереть от напряжения, но непременно выполнить принятые на грудь обязательства. Если бросать что-то в самом начале, никогда уже не доведешь до ума ни одно хорошее начинание. А можно распорядиться жизнью неумело и беспотолково. Все начинать и ничего не заканчивать. Там, в «Планете», мое начало. Там я выросла, туда должна вернуться. Необходимо доказать всем и прежде всего самой себе, что я ни в чем не виновата. Любая ошибка может быть исправлена, если человек осознал свой промах. Покаялся. Но вернуться нужно на белом коне. С белым флагом в правой руке. Как победительница. И как пораженец. И два лика не будут противоречить образу Инессы Веткиной. Белый конь на дороге не валяется. Его нужно заработать, обуздать, приручить, прикормить и подчинить. А все кони привередливые, попробуй догони.

– Инесса, Мария Яковлевна пришла, – ко мне за стол сунулась Аксинья. Я испуганно фыркнула.

– И что мне делать? – спросила я, отложив неразгаданный кроссворд в сторонку.

– Нужно подойти к ней в сто тридцатый кабинет, она на месте и ждет тебя.

Я все-таки захватила с собой пожелтевшую газету. Обязательно заполню все пустые клетки. С сегодняшнего дня все начатые дела буду обязательно заканчивать. Начала – завершила. Начала... в этом месте я уткнулась лбом в табличку с номером 130.

– Здравствуйте, – сказала я, войдя в комнату.

В сто тридцатом кабинете царило точно такое же столпотворение из бумаг и папок, будто я не выходила из другой тесной и пыльной комнатки. Точно такой же стол, коробки, потолки, серые мутные окна. Женщина не подняла головы. Издалека облик главной сектантки казался размытым, пастельным. Лица не разглядеть. Даже в лупу.

– Произошло какое-то недоразумение, вакансия уже занята. Вы можете идти домой. Когда у нас освободится место, мы вам позвоним.

Сухой и безразличный тон мутной женщины порадовал меня. Значит, новая начальница не любит панибратства. Не называет сотрудников на «ты», не обращается по имени, не обменивается суждениями в курилке, не сплетничает, наоборот, вменила в учреждении взаимную вежливость и высокую культуру.

– А зачем звонить? Я сама приду, – весело сообщила я. – Ни к чему вам беспокоиться. Я расторопная.

– Вижу-вижу, – сухо кивнула мне она. – Мы вам позвоним и пригласим на собеседование. Учтите, вакансия еще долго не освободится. Нужно ждать. Долго ждать.

Старосельская настойчиво избавлялась от меня, пытаясь соблюдать приличия в столь неприличном занятии.

– Но меня же Витя Лупенков привел, – настаивала я.

Сам Рогачев сказал мне, что Витя держит многочисленные магазины и лавки в Доме творчества, арендует помещение, администрация напрямую зависит от Витиных барышей. Сектанты не могут пойти против Витиных протезов.

– Витя не предупредил меня, не согласовал со мной, – Старосельская просто задохнулась от гнева, – мы не принимаем в штат людей со стороны. У вас есть рекомендации?

Она хватала воздух ртом, что означало: Лупенков – сволочь. Первая сволочь в нашем городе. Он посмел привести в тайную организацию работницу почти что с улицы без согласования с высоким лицом.

– Никаких проблем, зачем какие-то рекомендации, ведь мы уже познакомились... – Я радостно ощерилась, дескать, счастье-то какое, жили-жили в одном городе, почти бок о бок, и знать ничего не знали друг о дружке, и вот, судьба вдруг нас свела, теперь мы знакомы. Будем дружить домами, семьями, на дачу друг к дружке ездить, шашлыки коптить.

– У нас так не принято, – она глотнула очередную порцию затхлого воздуха. – До свидания.

– До свидания, – растерянно повторила я вслед за ней.

Я не знала, что делать дальше, как поступить в столь унижительной ситуации. Хлопнуть ли дверью или стукнуть кулаком по столу? Со мной происходило что-то невообразимое первый раз в жизни. Сначала я даже не понимала, что меня выставляют за дверь без объяснений. Выставляют, и все. Конец абзаца. Начало второго раунда. Затем все-таки поняла, что меня вытюривают из секты, выгоняют. Стыд и срам. Я вежливо улыбнулась женщине-пророку и молча вышла за дверь, осторожно притворила створки, чтобы не стукнуть нечаянно. Не стукнула. Притворила. Вышла на Невский проспект. Заплакала. Вытерла слезы. Набрала номер Мишки Рогачева.

– Миш, а меня из секты выгнали, – брякнула я зачем-то.

– Инесса, это ты? – спросил Миша. Можно подумать, он мой голос в первый раз слышит.

– Я, а кто же еще? – вопросом на вопрос ответила я.

Миша говорил быстро, будто торопился на собственные похороны.

– Я не хочу ничего слышать об этом, – безапелляционным тоном изрек Миша. Жестокий он – этот Сам Рогачев.

– Миш, а что же мне делать? – спросила я, безнадежно тупея от ситуации.

– Откуда я знаю, – буркнул Рогачев и отключил мобильный.

«Вне зоны действия сети». Конец абзаца. Миша умер. Его уже похоронили, отпели, отгосили, помянули. Свечки догорели. Можно вычеркнуть из памяти номер телефона, забыть светлый облик самого богатого юноши в Питере. Я отчужденно шарахнулась сама от себя. Началось. Женское начало заговорило. Начинаю все поминать бывших друзей. Миша старался изо всех сил. Как мог, он мне помогал, но кто-то оклеветал меня. А кто – надо срочно узнать. Начатое дело требует быстрого завершения. Ситуацию надо довести до логического конца. Иначе вся жизнь пойдет насмарку.

Утром мне никто не позвонил. Город будто вымер. Народу бездна, а позвонить некому. Ну и времена настали. «Страшно, аж жуть». За окнами бурлила жизнь, светило ослепляющее солнце, мотался во все стороны взбесившийся северный ветер, нагоняя в город стужу и озноб и поднимая уровень воды в Неве. Новое штормовое предупреждение. Опасно для жизни. Я решила подождать – вдруг все-таки позвонят из сектантского института. Надеюсь, хоть кто-нибудь вспомнит обо мне. Не умерла же я, в конце концов. Вдруг телефон задребезжит, и голосок Аксиньи весело пропоет мне: дескать, вылетай быстрее, Инесса, красавица ненаглядная, мы без тебя не справляемся. Бумажная гора оползает. Начались селевые потоки. Но – тишина. Мне никто не звонил. Сектанты прекрасно управлялись без Веткиной, наверное, телефон в Доме творчества испортился. Я сняла трубку. Подула в мембрану. Гудит. Работает. Мама еще не знает о моих злключениях. Нужно ее предупредить, но у меня рука не поднимается набрать ее номер. Я вздрогнула. Котенок грозно ошетинился, зашипел, шерстка встала дыбом. Животное впало в беспокойство. С чего бы? В напряженной тишине вдруг как резаный заорал телефон. Я осторожно сняла раскаленную трубку. Разумеется, звонила моя мама, видимо, почувствовала, что мне плохо. Нашлась одна родная душа в пустыне.

– Почему ты не на работе? – осведомилась мама металлическим голосом.

Я молчала. А что тут скажешь? Все равно она ничего не поймет из моего сбивчивого рассказа, даже если он будет бесконечно искренним и правдивым.

– Тебя опять уволили? – спросила мама. – Инесса, ты почему дома сидишь?

Мама не допускает мысли, что я могу заболеть, взять отгул, творческий день. В конце концов, в моей квартире на некоторое время может застрять любовник. А беспокойная мама сразу вошла в штопор, развела панику во все стороны, как бешеный северный ветер. Как же, единственное дитя – и то непутевое.

– Инесса, почему молчишь? – Сейчас разразится гроза, и новый скандал лавиной обрушится на мою истерзанную душу.

– Мам, у меня неприятности, не приставай, а, – ласково, насколько смогла вложить в голос дочернего тепла, сказала я. Незатейливо сказала, без прикрас, дескать, ничего страшного, всякое иногда может случиться в жизни.

– Инесса, ты не дури давай, – обеспокоилась мама. – Я сейчас приеду.

В трубке послышались короткие гудки. Я положила трубку. Мама уже мчалась на такси спасать единственную дочь. Сейчас начнется: выяснится, что я эгоистка, гордячка, упряmica и еще черт знает кто. Пока родительница добирается до центра со своей окраины, мне необходимо выдвинуть правовую защиту. Собственные права нужно защищать. Ведь мы живем в правовом поле. Может, позвонить еще кому-нибудь, кроме Рогачева, в нашем городе имеются другие влиятельные люди, не перевелись еще небось. И вдруг я замерзла. В квартире было жарко натоплено, но меня болезненно зазнобило. Мне некому позвонить. Передо мной чередой пробежали лица: Слащев, Норкин, Егорова, Гришанков, Блинова, Паша Брюзгин, Абла-

шидзе, Голубенко. Вдруг все лица разом исчезли, попрятались, будто их никогда не было в моей памяти, стерлись начисто. Я прилегла на кухонный диванчик. Дорогая квартира, стильная мебель, элитная одежда. И вдруг все рухнуло. В сущности, с самого рождения я жила без особых хлопот. Я училась, работала, влюблялась, путешествовала, занималась спортом, посещала салоны красоты, грустила, веселилась. Нормальное существование простой российской девушки. В общем, все в моей жизни было как у нормальных людей. В первый раз принцип «все как у людей» дал серьезный сбой. Любой механизм может испортиться. Мотор заклинило, двигателю срочно требуется ремонт. Необходимо пересмотреть жизненные ценности; перетрясти, выбить пыль, обновить, приобрести новые принципы. Рухлядь лучше выкинуть на помойку. Может, у меня и принципов-то особых не было? Так себе, жила и жила, как все люди. В результате вышло не по-людски как-то, не по-человечески. Даже позвонить некому. Миллионный город опустел, словно нечаянно случилась массовая эвакуация. В дверь позвонили. С мамой много не наплачешься.

– Иди-иди, открывай, твоя подружка явилась, – не открывая глаз, лениво произнесла я.

Кот послушно отправился в прихожую. Сейчас начнет царапать дверь, дескать, заходи, не стой на пороге. Я заставила себя подняться, открыла дверь, молча уткнулась в мамино плечо, помолчала и снова завалилась на диванчик.

Мама морально приготовилась, приехала, вся вооруженная выпадами и доводами, упреками и укорами. Оружие звонко бряцало. Воздух наполнился грозowymi раскатами. Я закуталась в скатерть, чтобы не видеть сверкающие доспехи.

– Инесса, не дури, вставай немедленно!

Мама не собиралась сдаваться. Она сдернула с меня скатерть. Потрясла за плечи. Моя голова вяло моталась из стороны в сторону. Мама сникла. Поняла, что у меня не просто неприятности, за какие можно поругать неразумное чадо, она догадалась, что с дочерью стряслась большая беда.

– Инесса, ты обедала? – спросила мама и загремела посудой. Гром раздавался по-военному четко и слаженно, как на настоящей войне.

– Не хочу, – я уткнулась лицом в спинку дивана.

– А ты через «не хочу» поешь, дочка, а когда пообедаем, ты мне все расскажешь. Договорились? – Мамина ладонь скользнула по моей щеке. Температуру проверяет. Думает, что я пылаю от жара. Нет, не пылаю. Я холодная и бесчувственная рыбина. Кровь во мне застыла.

– Инесса, на даче сломался водовод, – скороговоркой пронеслось по кухне.

Это знаменитый мамин прием. Дачей она меня заводит с одного оборота. Лишь только я слышу это сакраментальное слово «дача», у меня начинается сердцебиение, учащается дыхание, пульс, в общем, все тело волнуется и живет. Но сломанный водовод меня не возмутил. Сломался так сломался. Будем жить без воды, как в пустыне.

– На ремонт рабочие просят пятнадцать тысяч рублей, – мама не сдавалась. Она еще надеется, что дачные пакости поднимут меня с диванчика, я раскутаюсь, сброшу скатерть и вновь превращусь в прежнюю Инессу. Не дамся. Никакая провокация не возродит меня к жизни. Прежняя закончилась, а новая еще не началась.

– Мам, ты зачем приехала, скажи на милость, а? Чтобы травить меня дачей? У меня большие неприятности, огромные, вот такие, – я широко расставила руки, как те рыбаки, что выловили золотую рыбку размером с осетра.

– Не такие страшные, эти твои неприятности, ты все преувеличиваешь, Инесса, – мамин голос зажурчал, как горный ручей.

Не переносу, когда она со мной разговаривает вот так. Я выросла, а мама видит во мне маленькую девочку, капризную и упрямую.

– Вовсе не преувеличиваю, меня с работы уволили, машину угнали, кто-то дурные слухи распустил обо мне по городу... – Перечисление неприятностей привело мою мнительную роди-

тельницу в шоковое состояние. Она побледнела. Затем порозовела и, в конце концов, побагровела.

– Машину-то зачем угнали? – спросила мама совершенную чушь.

– Mam, меня не спросили. И не сообщили почему-то, зачем машину угнали! – Мне стало жаль бедную маму. Я засмеялась и обняла ее. Мама уткнулась мне куда-то в шею, видимо, переживала, что на дачу не на чем будет ездить.

– А ты в милицию заявила? – спросила она, щекоча губами кожу. Я громко расхохоталась. Мой дикий смех окончательно перепугал маму. Она замахала руками, жалобно сморщилась, вся в один миг постарела, сгорбилась.

– Mam, какая милиция? Они даже Жванецкому джип не нашли. «Дежурному по стране»! У жены министра машину угнали, что, нашли? Нет, не нашли. Кто будет искать мой кабриолет? Мне работу найти надо, некогда тут по милициям бегать.

Я уселась на пол и взяла котенка на руки, тот сразу сладко замурлыкал. Если мама узнает, что меня турнули вдобавок из Дома творческих работников, она всенепременно умом тронется.

– Пока ты ищешь работу, можно переводами заняться. У меня есть знакомая, она книгу написала, теперь хочет за границей издать. Ей срочно перевод нужен. Возьмешься?

Мама не спрашивала меня, она навязывала свои услуги по добыванию пищи для кота, сочувствуя животному, попавшему в житейские передрыги благодаря непутевой дочери.

– Конечно, возьмусь, мам, какие проблемы. Пусть твоя знакомая позвонит мне, я перевожу.

В детстве мама заставляла меня учить английский язык, дескать, всегда живой заработок в кармане, если есть накопления в голове. Я же считала в детстве, что моя мать – настоящее «гестапо». Как оказалось, она у меня большая умница, моя мама. Мы с котом с голоду не умрем. Не пропадем в этой жизни. У нас – воспитание по высшему классу, разностороннее, со знанием иностранного.

– Главное, не раскиснуть в трудную минуту! – Мама уже засучила рукава и принялась за воспитание. Сейчас начнет приводить примеры из далекого советского прошлого. Как неугодных людей увольняли с работы, а она помогала им.

– Ой, натерпелась я, Инесса. Страшно, конечно, было. Я боялась, но не отворачивалась, подкармливала знакомых, пострадавших от власти, – и продуктами, и деньгами помогала, из одежды кое-что давала, халтуру подыскивала. И не жалею об этом, – мама вздохнула.

Наверное, в далеком советском прошлом было страшнее, чем сейчас. Хотя я не знаю, подадут ли мне руку в наше время. Ведь могут пройти мимо. И я тону среди белого дня на глазах у всего города.

Мама всплакнула. Родная дочь довела до слез. Пришлось свернуть с опасной тропинки. Тяжелый разговор нужно вовремя направить в другое русло. Иначе мы обе утонем в слезах. Кот тоже загрустил, глядя на нас.

Можно злиться на мать, сколько угодно раздражаться на нее, но, кроме мамы, никто не знает тайных струн тонкой души своего ребенка. Играет на моих чувствах, как опытный музыкант. Струны дрожат, вибрируют, оживают. Ростропович, Клиберн и Спиваков сняли бы шляпы перед моей мамой. Я легко поднялась с пола, слегка подпрыгнув, котенок фыркнул и прижался к маминым ногам. Подлый предатель. Мама распрощалась, довольная собой, она здорово пыжилась от осознания выполненного родительского долга. Я решила убрать квартиру, чтобы чем-то занять руки. В голове метались обрывки мыслей, я судорожно пыталась в кромешном хаосе отыскать хотя бы одну мало-мальски толковую идею. Не за что уцепиться. Остатки любовных переживаний носились в мозговых извилинах, будто перетекали из ручья в ручей. В каждой протоке сидел Бобылев. Я прогоняла его из одной мыслительной клетки, он немедленно перебирался в следующую, соседнюю. Сергей прочно поселился в моем мозговом

аппарате, кажется, он не собирался покидать насиженного места. Кроме присутствия Бобылева, в своей голове я ничего не обнаружила. И сильно разозлилась. Что же это такое происходит? У меня нет работы, а голова отказывается мыслить в нужном направлении. Надо заставить себя выбросить дурацкие мысли, придумать что-нибудь стоящее. Можно пойти работать в музей. Буду охранять разные ценности, реликвии, экспонаты. Однажды в «Планету» придут заграничные партнеры. И Бобылев приведет гостей в музей. Нет, музей – это западня, капкан какой-то. Лучше уж наняться на работу в «Дом книги». И однажды туда придет Сергей. Он же читает книги. Выберет свободную минутку и забежит в магазин, чтобы приобрести бестселлер. А я тут как тут, стою за прилавком и отсчитываю Бобылеву сдачу. От волнения копейки рассыпаются. Я нагибаюсь, чтобы собрать, он бросается мне на помощь. Одновременно Бобылев внимательно смотрит на меня, видимо, пытается вспомнить, где и когда мы с ним встречались. Нет, совершенно невозможно в таких условиях думать. Опять этот Бобылев. Можно, в конце концов, пойти в администраторы. В ресторан. В салон красоты. В спортивный клуб. Город живет, питается, испражняется, тренируется, наводит глянец на себя, на квартиры, дома и улицы. Еще он покупает и продает жилье, строит новые дома. Убирает улицы и подъезды. Кругом бездна работы, целая пропасть дел и суеты. Повсюду требуются энергичные люди. Хороший менеджер надолго без работы не останется.

И грусть покинула меня. Я вычистила квартиру от хлама, выбросила ненужные вещи, разобрала ворох модных причуд, развесила на вешалки, выгладила. Затем осмотрелась. Осмотр произвел благоприятное впечатление. Квартира превратилась в окоп, в уютненькое такое бомбоубежище. Отсюда можно вести прицельный огонь по врагам всех мастей, разведывать обстановку, собирать оперативную информацию, проводить рекогносцировку, разрабатывать стратегические планы, расставлять флажки на карте, готовясь к широкомасштабному наступлению. Все это потребует времени и терпения. А мне некуда торопиться. Впереди у меня великое будущее. Я еще не знаю, какое оно – это мое таинственное будущее. Но я уверена, что оно красиво и величаво. Я обязательно взберусь на вершину, туда, где захватывает дух, где разреженный воздух. И вдыхать его – одно наслаждение. Потому что – это воздух победы. А пока не настанет мое будущее, вообще дышать не буду. Сплошные канцерогены здесь, внизу. В толпе. Кругом вредный газ и техногенные выбросы. Я задумалась и вдруг поняла, что Бобылев уже не сидит в каждой клеточке мозга. Он где-то спрятался. Лукавит, наверное, Водолей вероломный.

Филистерский подход к жизни, внедренный в мою голову настойчивыми материнскими доводами, похоже, вывел меня из ступора. Нельзя отрываться от основной части населения. Любой отрыв от масс чрезвычайно вреден для организма. Надо жить, как все; покупать еду в обычных магазинах, смотреть телепередачи про блондинок в шоколаде и читать детективы в ярких суперобложках, не забивая голову несбыточными надеждами. Мир замкнулся. Лица из прошлого по-прежнему скользили в памяти размытыми тенями. Кто мог оклеветать меня? Пятна лиц мелькали, размазывались, что-то говорили, объясняли, доказывали. В сущности, оклеветать мог любой, человек – слабое существо. Разве он может устоять перед возможностью ослабить другого, более сильного и крепкого? Можно, разумеется, пойти в «Планету» и устроить в фирме разборки с перестрелками, но я не опущусь на один уровень с подлостью. Я смогу пройти через испытания в гордом одиночестве. Но я отбросила гордыню, просто отшвырнула от себя. Нужно быть милосердной к людям. Надо всех простить. И тогда они простят меня. Я набралась храбрости и позвонила Голубенко.

– Валерий Викторович, вы меня еще помните? Я – Инесса Веткина, – скромно представилась я. И ждала чего угодно – вдруг Голубенко отключит мобильный или, что еще хуже, скажет, дескать, девушка, вы ошиблись номером. Может, он просто запомнил, кто я такая. Но ничего такого не произошло. Наоборот, до меня донесся восторженный возглас.

– О-о-о! – заорал Голубенко, я даже трубку опустила пониже, чтобы не так больно бились каменные слова о хрупкую ушную раковину. – Инесса, сколько лет, сколько зим. Как ты, где ты? Я уже наслышан о твоих неприятностях.

– Да, вот такие дела, Валерий Викторович, – я невольно всхлипнула, – я теперь без работы. Резюме не стала рассылать. Опасно. В моем положении нельзя бросаться резюме куда попало. Вот ищу хорошую рекомендацию.

– Была бы шея, хомут найдется! – Голубенко рассыпался на афоризмы, как волшебная шкатулка с драгоценностями. – От работы кони дохнут. Инесса, когда мы можем встретиться? Может, я чем-нибудь смогу помочь.

– Правда, Валерий Викторович? – изумилась я, вот уж не ожидала изъясления столь бурного восторга от старого и ненадежного партнера. – В любое время, удобное для вас. Во сколько назначите, так и приеду. Правда, я сейчас без машины. Мне еще время на транспорт необходимо.

– А где твой кабриолет? Честно заработанный, между прочим, – спросил Голубенко. Никакого ехидства в его голосе не было.

А я удивилась небывалому разнотению во взглядах знакомых. Валерий Викторович убежден, что машину я заработала честным трудом и обладаю законными правами собственника. А кто-то уверен, что я совершила кражу. И мне неизвестно, как к данному факту относится даже Бобылев. Никак не могу понять, что лежит у Бобылева по этому поводу где-нибудь на дальней полочке сложного мыслительного аппарата. Я даже не догадывалась, как Сергей может оценить мой поступок. Если бы я могла знать, чем заняты мозговые клетки любимого, о чем он думает – тогда бы вся моя жизнь превратилась в сияющий фейерверк.

– Фью-фью, – я выдула безмерное сожаление о пропаже любимой машины тонкой фистулой. – Угнали.

– А-а, сочувствую, плохо тебе без машины, – сказал Валерий Викторович, особого сожаления в его голосе не послышалось, будто у меня была возможность небрежно прогуляться в автосалон и срочно приобрести новую, лучшую, более усовершенствованную модель кабриолета. – Приезжай к трем. Успеешь?

– Без проблем, Валерий Викторович, без проблем, прибуду без опозданий. – Я уже скакала на одной ноге.

Мне хотелось срочно создать образ мужественной искательницы приключений. Нужно прийти на встречу к Голубенко во всеоружии, чтобы Валерий Викторович сразу понял: Инесса Веткина – сильная и уверенная в себе девушка, которая не сломалась под натиском житейских обстоятельств.

– Жду! До встречи. – Голубенко наконец-то отключил мобильный.

Я заторопилась, отшвыривая разволновавшегося котенка, вечно он путается под ногами. И как умудрится унюхать грядущие перемены? Я выбрала кожаный черный тренч, черные джинсы, черный джемпер. Заколка в волосах – скромная и незаметная, как у кассирши продовольственного магазина. Это на первый взгляд. Вообще-то заколка – не простая, а золотая, булавка из старого белого золота. Это старинная фибула, бабушкин подарок. Истинную ценность может разглядеть лишь опытный знаток ювелирных украшений. Каковым и является Голубенко. В завершение – лакированные ботинки на каблучке. Я повернулась вокруг оси. Кот жалобно мяукнул. Надо бы ему имя придумать, что-нибудь из греческой мифологии. Наверное, ему тоже хочется перевоплотиться в воина. Я намеревалась покорить весь мир, а котенок намекал мне, что покорить требуется пока одного лишь Голубенко. Весь мир пусть подождет.

– Иди, котяра, спать. Не бойся за меня. Я поехала добывать хлеб насущный, – сказала я и ласково чмокнула кота в пушистую макушку. Хорошо, когда тебя любят и с почестями провожают в боевой поход.

Голубенковская контора переехала на Лиговку. То есть переехала она с Лиговки на Лиговку. Из одного дома в соседний. Аренда бешено вздорожала. Арендаторы кочуют с места на место, фланируя налегке. Я быстро нашла офис Валерия Викторовича. Он уже ждал меня, гарцуя в неосвещенном коридоре. Где-то вдали визжала от невыносимых предсмертных мук люминесцентная лампа. Она угрожающе гудела, издавая трубные звуки. Мерцание лампы на миг приоткрывало лицо Валерия Викторовича и тут же неожиданно прятало в безнадежной темноте.

– Инесса, есть очень хорошее место, как раз для тебя, сейчас поедешь на Кондратьевский проспект, тебя уже там ждут, найдешь некоего Константина Иннокентьевича, оформишься, лучше по договору, и сразу мне позвонишь, – Валерий Викторович радостно потирал жесткие ладони. В коридоре слышался треск сухой кожи, сыпались искры, запредельно зудела умирающая лампа. Все это смешивалось в коктейль из грозových ощущений. Голубенко явно предвкушал что-то вкусное и необыкновенное. Он жаждал заполучить добычу, будто посылал меня на охоту, а в загоне уже сидит прикормленный кабанчик. Его нужно срочно подстрелить. Из автомата.

– А что за должность, Валерий Викторович? – Я все-таки успела вбить клин в сыплющуюся скороговорку Голубенко. Он смешался, затих и снова затарабанил:

– Тебе-то какая разница, будешь сидеть в офисе, заниматься рекламой и пиаром фирмы. Охранная структура. Константин Иннокентьевич раньше работал в тюрьме. – Валерий Викторович сбросил искры с рук и снова принялся тереть ладони, будто добывал огонь, как бывалый индеец.

– Где-е-е? В тюрьме-е-е? – я вновь выдула звуки фистулой и фальцетом одновременно. Звуки разлетелись по темному коридору и повисли в воздухе.

– В тюрьме, в тюрьме, – радостно замотал головой Голубенко. – В Крестах. Состарился, вышел на пенсию, организовал охранную структуру «Кальпурния».

– Как? – Я с трудом подавила тяжелый вздох в корне, не давая ему разрастись в грандиозный скандал. – А кто это – Кальпурния?

– Точно не знаю, кажется, последняя жена Юлия Цезаря. Боевая, говорят, девушка была, – чему-то радовался Голубенко. Он прыгал, поднимался на носки, шелкал пятками, потирал ладони, рассыпал искры – все эти манипуляции Валерий Викторович проделывал как бы в слаженном порыве.

– А зачем он так фирму называл, с какой целью? – недоумевала я.

– Имя ему понравилось, красивое, экзотическое, ни у кого в городе нет такого необычного названия фирмы. Любит Константин все диковинное, чтобы больше – ни у кого. Он и тебя согласился принять на работу потому, что ты работала в «Планете». У Самого Бобылева! Это же высший пилотаж! – Голубенко чуть не свалился на пол от восторга, ему тоже льстило, что я работала у Самого Бобылева.

Я поддержала Голубенко за спину, мне и самой хотелось шмякнуться на пол вместе с ним. За компанию. Это надо же – меня согласились принять на работу в качестве заморской обезьяны. Такого случая в моей практике еще не было. Это первый звонок. Видимо, более подходящей обезьяны не нашлось, тогда Голубенко решил подсунуть тюремщику незрелого аллигатора.

– Нет, Валерий Викторович, не нравится мне эта затея с Кальпурнией. Не хочу я работать в охранной структуре, что же это такое? Ужас, а не работа. Кальпурния какая-то, надо же, – из меня вылетел тяжелый вздох, не смогла все-таки удержать. Мой внутренний ужас разнесся жалобным стоном по темному коридору, коснулся краем мерцающего светлячка. Догорающая лампа окончательно погасла. Голубенко исчез во мраке, растворившись в черной пустоте.

– А где ты хочешь работать, Инесса? В администрации губернатора? В Законодательном собрании? В правительстве? В комитете по культуре? Ты скажи, мы подыщем тебе подходя-

щее место, нам-то что, нам это дело устроить – пара пустяков, – иронизировал невидимый Голубенко.

Валерий Викторович безостановочно шутил, он не сдерживая эмоций, пользуясь наступившей темнотой, будто решил вчистую размазать по стенке Инессе Веткину, чтобы навсегда избавить девушку от остатков профессиональных амбиций.

– Ну, не знаю, где-нибудь в приличном месте, чтобы тихо отсидеться в спокойной обстановке, – нерешительно пробормотала я.

– Вот и отсидись в «Кальпурнии», у Иннокентьевича большой опыт имеется в этом деле, он всех держал вот так, в кулаке, – воскликнул Голубенко.

В это время кто-то открыл дверь, и коридор принял ясные очертания. Возник из пустоты Голубенко. И мгновенно вспомнил о приличиях.

– Иди-иди, а то опоздаешь, Инесса. Полковник Баландин не терпит опозданий.

– Как вы сказали? Баландин? – Я решила, что ослышалась. – Это что – какое-то производное от тюремной баланды?

– Фамилия на роду расписала ему кресты на распашонке. Инесса, не забудь, что за оказанную услугу мне бабло положено, – опять зачастил скороговоркой Голубенко. Дверь успели закрыть, коридор вновь погрузился в преисподнюю.

– Так я еще не устроилась. Плата по результату, Голубенко, не забывай! – крикнула я в темноту, перейдя на простецкое «ты». Мне надоело выслушивать пошлые шутки слегка поношенного жуира.

– И ты не забывай добро, Инесса, звони! – крикнул в ответ Валерий Викторович откуда-то издалека.

На ощупь я нашла дверь, спотыкаясь, вышла на площадку. Где-то меня ждал Константин Иннокентьевич Баландин. Бывший начальник тюрьмы, нынешний охранник капиталистического имущества. Времена настали, будьте-нате, не знаешь, куда ступишь и во что. Придется наведаться в офис на Кондратьевском, иначе где же я еще встречу бывшего узурпатора. При благополучном решении вопроса я должна уплатить Валерию Викторовичу определенную сумму. После долгих колебаний, стоя на перекрестке, прямо на сквозняке, обдуваемая со всех сторон промозглым ветром, я все-таки решила съездить к Баландину. Вдруг он окажется симпатичным дядькой, этаким слегка простоватым, с густой проседью, очки в металлической оправе. Чем не меценат? Вполне возможно, полковник Баландин всю жизнь скрывал свои истинные наклонности. Сидел в тюрьме, сторожил арестантов, а сам усиленно прятал от начальства тонкую филантропическую душу. А сейчас его внутренний потенциал реализовался. За ним я буду как за каменной стеной. Никто меня больше не подставит и не предаст. В «Планете» мне все станут завидовать, дескать, Инесса Веткина успешно пиарит очаг капиталистической безопасности. Через двадцать минут я уже стояла перед многоквартирным жилым домом. В одной из ячеек десятиэтажного улья скрывалась загадочная «Кальпурния». Бедная Кальпурния. Наверное, она очень любила Юлия Цезаря, еще девочкой мечтала соединиться с мужественным воином в брачном союзе. Но если бы она знала, что спустя века ее честное имя внесут в анналы современной российской охранной структуры, она за Цезаря замуж точно не пошла бы. Ни за что! Кальпурния сбежала бы из дома с рядовым безымянным рабом. Зато ее имя никогда не приклеили бы к двери, обитой рваным дерматином. Неоновые блики блистательной «Планеты» вспыхнули в моей памяти разноцветной иллюминацией. И погасли, оставшись там, вдали от меня, в земле обетованной.

– Вы – Инесса? – спросил статный мужчина – проседь в шевелюре, очки в металлической оправе. Дверь открылась сама, я не прикасалась к звонку, видимо, мужчина смотрел в шелку в ожидании визитов. Он долго прислушивался, ждал. Услышав шаги, распахнул для меня врата нового рая. У него и впрямь благородная внешность, пристальный взгляд. Полковник Баландин. Он предстал таким, каким я увидела его еще на Лиговке. Но в мистическую

сценку моего трудоустройства вмешалась некоторая неувязка. Полковник здорово заикался. Чтобы произнести мое имя, ему пришлось долго шлепать губами, беззвучно, но с огромным напряжением. Я хотела ему помочь, подсказать за него, но передумала, пусть немного помучается.

– Да, это я, – впрочем, я так и не дождалась, пока он полностью выговорит мое имя. – Инесса Веткина. Можно просто – Инесса. А вы – Константин Иннокентьевич Баландин?

Полковник стал трясти губами, потом щеками, головой, плечами, наконец затряслось все тело. Он стоял на пороге и дергался, пока я наконец не догадалась сказать за него: «Да».

– Да! – легко и радостно выдохнул Баландин. – Да, я – Баландин. Константин Иннокентьевич.

Заикание случалось с Баландиным периодически. Иногда полковник говорил вполне свободно, без мучительных сотрясаний и конвульсий. Зато уж если случалось ему заикнуться – тогда бешено сотрясались стены и потолки, фундамент и крыша, казалось, террористы взорвали соседний дом и вплотную подобрались к «кальпурниевскому», осадили его и уже подожгли. Кругом все клоочет и бурлит, а до взрыва остается пара секунд.

– Проходите, Валерий Викторович много рассказывал о вас. – Баландин отступил в сторону, пропуская меня вперед. Галантный и культурный, очень вальяжный, полковник Баландин поразил мое воображение. Грешно подумать, но я решила, что Голубенко наврал мне, он все придумал про Кресты, диссидентов, распашонки и тюремную баланду. Валерий Викторович – большой шалун, легко разыграл наивную и доверчивую Инессу.

Полковник придвинул мне стул, подождал, пока я усядусь, взялся за спинку, будто проверял, крепко ли я сижу. Удостоверившись, что сижу надежно, Константин Иннокентьевич прошел за стол, сел в кресло с широкими подлокотниками и доверчиво посмотрел на меня голубыми и ясными, как у малого ребенка, глазами. Мы помолчали. Я боялась задавать вопросы, жутко пугаясь, что у Баландина вновь начнется приступ заикания. Константин Иннокентьевич тоже, видимо, боялся, поэтому мы слишком долго молчали. В конце концов, работодатель первым должен задавать вопросы. Я – тестируемая, а полковник – лицо заинтересованное. Тот, кто выдает зарплату, тот пусть и мучается, а кто получает, может отдохнуть некоторое время. Полковник мысленно подсчитывал, во сколько я обойдусь «Кальпурнии». Наконец Баландин сделал первую попытку осуществить разговорную речь, он пошлепал губами, покраснел, налился кровью, выпучил глаза, от жалости и сострадания мне пришлось перекинуть взгляд на противоположную стену. Большой плакат изображал женщину, точнее – римскую матрону. Видимо, это и была знаменитая Кальпурния.

– Это – Кальпурния, – вдруг произнес Баландин, будто это и не он вовсе только что бессильно и немо разевал рот. – Последняя жена Цезаря.

– Д-да, я знаю, – прошептала я.

– Это я придумал, как назвать мое предприятие. Все нормальные имена уже разобрали. Мне досталась жена великого полководца. Инесса, а что вы умеете делать? – спросил Баландин.

– Я... это... все умею делать, – я покосилась на него и быстро отвернулась. Кажется, у него начались большие сложности со следующим вопросом.

– Мы пригласили вас, чтобы вы наладили нам общественные связи. Контакты, отношения, взаимные интересы – все требует системного подхода, вы согласны, Инесса?

Баландин быстро гасил приступы, можно было не бояться за исход его дальнейшего самочувствия.

– Систематизация взаимных интересов – это здорово, – я внутренне хихикнула. Внешне же ничем не показала своего отношения. А что мне еще оставалось делать? Работа нужна. Дома котенок ждет, нервничает. Может, его Цезарем назвать? И мама волнуется, за сердце хватается, ищет веские доводы, стремясь защитить дочь от личностного распада.

– Тогда приступайте, ваш стол будет в соседнем кабинете, у нас идет ремонт, мы оборудуем оружейную комнату, видите, встраиваем в стену хранилище, – полковник Баландин перешагнул через таз с цементным раствором. Я слегка зацепилась за кирпич, мысленно обратившись к райским кушам «Планеты». В земле обетованной цветут вишневые сады, повсюду торчат бонсаи и пальмы, а я вынуждена наткаться на кирпичи и тазы с цементом. На джинсах пятна, ботинки в грязи, господи, куда я попала, хочу немедленно обратно, в искусственный рай, к Бобылеву, попрошусь к нему на ручки.

– Работайте, – отставной полковник ушел. Я осталась одна в холодном и мрачном кабинете. Даже не объяснил, что я должна делать. Какие связи систематизировать – тазы с кирпичами, что ли? Остаток дня тянулся бесконечно долго. Голубенко звонить не стала. Он обязательно потребует плату за трудоустройство. А вдруг я не сумею наладить общественные связи? И полковник Баландин уволит меня, как это уже сделала Старосельская.

День все-таки закончился. Я осторожно выглянула за дверь. Никого. Пусто. Интересно, а кто еще, кроме заики-полковника, работает в «Кальпурнии»? Почему в этом помещении стоит напряженная тишина, вообще-то это обычная квартира, двухкомнатная, малогабаритная, переделанная под офис. Для Кальпурнии сойдет. Все-таки это была последняя жена полководца. Это вам не блистательная Клеопатра. На часах около семи вечера. Я высунула нос наружу, но Баландина уже не было. Кабинет закрыт. Пора домой. И я вышла на улицу. Порывом ветра мне разметало волосы, разбирая пряди, убирая их с лица и глаз, я увидела Баландина. Полковник ремонтировал машину. Даже моя «девятка» когда-то в далеком прошлом выглядела гораздо импозантнее, нежели изъезженная «Волга» полковника, изношенная до состояния резиновых тапочек Коли Гришанкова.

– Вы уже домой, Инесса? – Баландин даже нахмурился. Ему явно не понравился мой самовольный уход с рабочего места.

– Константин Иннокентьевич, скажите, пожалуйста, какая у меня будет зарплата? – спросила я, набравшись храбрости, решив брать быка за рога, но не забыла состроить при этом невинные глазки. В первую очередь надо выяснить основной экономический вопрос – почему нынче систематизация взаимовыгодных отношений?

– Вы еще без году неделя в «Кальпурнии», одного дня толком не отработали, а уже о зарплате спрашиваете, – помрачнел Баландин. Он опять начал задыхаться. Хватанул ртом холодный воздух и задохнулся, даже посинел, но я не испугалась. Это мы уже проходили.

– О-основной эк-кономический з-за-закон, – в ответ, кажется, я тоже начала заикаться. Заикание – заразное заболевание. Теперь я это точно знаю.

– Триста долларов вас устроит? – вдруг спросил полковник. Он уже передумал уходить на тот свет, весь раздумялся, посвежел. Я широко раскрыла рот. Закрыть его так и не смогла. Я глотала порывы чрезмерно усиленного ветра, вытаращив глаза, а Баландин в это время, ухмыльнувшись, хлопнул крышкой багажника и с довольным видом удалился в «Кальпурнию». Можно сказать, оставил девушку в критическом положении.

Триста долларов мне хватит ровно на три дня. В «Планете» я получала почти две тысячи зеленых. Я привыкла жить на широкую ногу. Мне нужны деньги, но не триста баксов. Я докажу Баландину, что на эти деньги не смогут прожить даже самые что ни на есть скромные пенсионеры. Но ничего доказывать мне не пришлось. Баландин выглянул из окна и громко свистнул, призывая меня в «Кальпурнию». Ну и нравы у этой матроны. Что-то не нравится мне она. Я подумала и двинула свои стопы в противоположном направлении от «Кальпурнии».

Я могу делать забег лишь на короткие дистанции. Есть одно смешное слово. Лошадей, берущих призы на средних и коротких дистанциях, называют фляерами. Весьма схожее с жаргонным словом «фраер». Фляер, фраер, в сущности, какая разница. Я резво бежала иноходью к ближайшей станции метро, будто собиралась взять приз. Я живу в центре, а «Кальпур-

ния» зарегистрирована в Красногвардейском районе. Мне придется потеть в общественном транспорте в случае благоприятного заключения трудового соглашения. Еще не достигнуты дипломатические договоренности, а отставной полковник Баландин нагло предлагает мне триста зеленых за систематизацию клиентов. От полковничьей наглости я сильно разозлилась и в быстром темпе добежала до дома. Могу сказать, что по дороге никого не видела, ничего не заметила и не ощутила. Теснота и давка проскользнули мимо сознания и тела, будто я парила в воздухе. Мысли были поглощены святотатственным предложением Константина Иннокентьевича. Оценить мои профессиональные способности в триста долларов мог лишь ненормальный. Я решила больше не беспокоить «Кальпурнию». Бог с ней, проживет без меня. Мы молча поужинали с будущим Цезарем, скудно и скромно, как два монаха. Настроение было аховое. Мы даже не поиграли. Сразу после убогого ужина оба завалились в кровать и устали в потолок, будто на нем что-то можно было прочесть, к примеру, дальнейшую судьбу. Но на потолке ничего не пропечатывалось. Телефон безмолвствовал. Все умерли. Тишина была какая-то въедливая и тягучая. Мне жутко хотелось, чтобы кто-нибудь позвонил. Есть же кто-нибудь живой в этом городе? Незаметно я задремала. Котенок царапнул меня по носу. Звонил телефон. Наверное, мама.

– Дочка, как ты? Здорова? – Заботливый мамин голос вызвал во мне раздражение. Как бы мне хотелось услышать сейчас чей-нибудь другой голос.

– Да, мам, все в порядке: здорова, сыта, устроена, – я сказала, что устроена, чтобы мама отстала от меня, но она назойливо прицепилась к этому слову.

– Ты нашла работу? Где, в каком районе, у кого? Доченька, какое счастье, ты вернула меня к жизни, – мама несказанно обрадовалась. А у меня больно засвербело внутри, где-то в области сердца, видимо, стыдно стало.

– Мам, ничего интересного, так себе, рутинная работа, ты обещала мне халтуру найти. Где твоя писательница – жива, творит? – Я пыталась перевести мамнины восторги на практические вопросы.

– Творит, творит, хочешь, я сама тебе привезу рукопись книги? – Мама явно набивалась в утешительницы. А у меня появился курьер по добыче интеллектуальной халтуры.

– Привези, мне все равно, – я жалобно скривила губы. Плохо мне без моральной поддержки. Мама не в счет. Из нее рвется чувство материнского долга.

– Завтра привезу, успехов на новой работе! – Кажется, маму не волнует, сколько мне будут платить, кто у меня начальник и почему у меня льются слезы – сами по себе, текут и текут.

Бобылев почему-то не звонит. Он забыл свои слова – «до самой смерти». А я помню. У меня отличная память. Я положила трубку в гнездо и взяла в руки пульт, пощелкала, переключая каналы. Надо бы послушать «Новости». Вдруг появилось что-то новенькое. Но нет, ничего такого. Мир жил по своим обычным законам. Международные новости добавили мне горчинки в трагический сплав. Мало мне своих бед. Так тут еще мировые. Тоска. Кажется, я заболела мировой скорбью. Я выключила телевизор. Забросила пульт в угол. Пусть звезды женятся, болеют, страдают. Хочу спрятаться от всех. И еще больше хочу, чтобы меня любили, пусть это будет всего лишь один человек – один-единственный, но пусть он меня любит, и никогда не забывает, и помнит обо мне всегда, даже сейчас, в эту минуту. Я хочу, чтобы он вспомнил обо мне. Если напрячь волю и разум, можно вызвать в другом человеке ответную реакцию. Он сразу откликнется и тотчас же наберет номер моего телефона. Я даже побурела от напряжения, но телефон словно онемел. Бобылев не услышал мой призыв. Можно было лопнуть от внутреннего высоковольтного Везувия, но заставить зазвонить телефонный аппарат выше моих сил. Все-таки я обычная девушка, не трансцендентная, и не обладаю магическими возможностями. Если бы можно было приколдовать Бобылева, я бы все-таки не решилась вмешиваться в игру жизни. Страшно. А вдруг я его разлюблю когда-нибудь?

Я незаметно уснула. Во сне я догоняла самолет. Он уже стоял на парах, а у меня не было в билете какой-то отметки. Незнакомые люди заставляли меня спешить, куда-то бежать, чтобы я успела оформить регистрацию. Я опаздывала, видела взлетающий самолет, но бежала и бежала, чтобы догнать его. В конце концов я успела впрыгнуть на подножку автобуса, мчавшегося к самолету. Я висела на ручке двери, одной ногой цепляясь за воздух, второй стараясь встать на ступеньку. Ноги скользили мимо, но автобус летел навстречу самолету, и я помню сладкое ощущение успеха – успела, не опоздала, схватила птицу счастья за хвост. С этим ощущением я проснулась. За окном лил осенний дождь, точно такой же, как в ноябре, – мрачный и тоскливый. Странный дождь, зачем он припелся в мой город из будущей осени? Сейчас весна, апрель, вместо унылого дождя должно сиять солнце, выжигая из головы зимние тягучие сны. Цезарь лениво потянулся и зевнул. Его не волновали мои грезы и тревоги. Кот требовал внимания, он хотел завтракать. Причем немедленно. Мы поели, каждый из своей миски. Немного поразмышляв над фатальным сном, я все-таки решила навестить «Кальпурнию». Работа на дороге не вается. Зарплата маленькая, зато я могу освоить новое дело. В охранной структуре я еще не работала. Интересно все-таки, заманчиво. Мне любой опыт пригодится. Впереди у меня целая жизнь. Кальпурния ласково улыбнулась мне из своего римского далека. Оказывается, мы можем догнать друг друга во времени.

Отставной полковник Баландин чинил автомобиль. Наверное, он вообще не уходил домой, так и проторчал возле изъезженной «Волги» всю моросную ночь. В лыжных шароварах, в шапочке с помпоном, в короткой курточке, Константин Иннокентьевич удивительно походил на моего соседа Бориса Захарыча, будто они кровные родственники. Наверное, они одеваются в одном магазине, видимо, в Питере открылся такой спецбутик для трудоголиков. Увидев меня, полковник побагровел, видимо, не ожидал встретить ранним холодным утром столь удивительное чудо. «Чудо» скорбно потупилось, ковыряя носком ботинка дыру в асфальте.

– И-и-и-и... – разнеслось по двору.

– Инесса, – шепотом подсказала я.

– Инесса, приветствую вас, не ожидал еще раз увидаться, – сказал вдруг полковник четким и ясным голосом, будто это и не он вовсе никак не мог выговорить удивительное имя неординарной девушки. Накрапывал мелкий дождь, продуваемый холодным ветром, будто на небе кто-то вывесил серый полотняный полог, забыв его пришить. Полог низко провис над городом, угрожая рухнуть вниз, чтобы внезапно опрокинуть на сонных горожан потоки ледяной воды попеременно с северным ветром.

– Константин Иннокентьевич, что прикажете делать? – я заговорила, как юродивая. А что мне еще оставалось делать? Новая роль требовала игры от бесталанной актрисы.

– Сейчас объясню. – Баландин вытер черные руки о лыжные штаны и прошел в «Кальпурнию». Сегодня он шел впереди меня, не отступая в сторону, не предлагая даме пройти первой. Галантность закончилась, вся вышла. Я скривилась. Во сне я успела уцепиться за поручень, схватила птицу за хвост. А наяву? Психолог долго бы разжевывал мой сон, дескать, у пациента здоровая психика, он успел догнать и перегнать самолет. Я и без психолога знаю, что у пациента здоровая психика. Только вот с Баландиным не умею разговаривать. А это плохо. Непрофессионально. У обоих пациентов наличие здоровой психики, а понять друг друга они почему-то не в состоянии. В конце концов, сегодня я приехала не из-за трехсот долларов, это ведь мелочи, копейки по сравнению с непрерывным ростом валютного баланса в международной экономике. Я приехала, чтобы понять, кто такой этот полковник Баландин. Что у него внутри, что ему нужно от жизни – частный охранник Баландин несомненно представляет собой интересный экземпляр, такая своеобразная особь мужского пола в звании отставного полковника. Нужно научиться разговаривать с любым человеком, каким бы странным он ни казался на первый взгляд.

– Инесса, составьте, пожалуйста, рекламную брошюру для наших клиентов. У нас полный завал. Сейчас у нас нет ни одного заказчика. Мы прогораем. Даже за электричество заплатить нечем.

Баландин угрюмо швырнул мне через стол какой-то журнал. Я рассеянно полистала. Фирмы, организации, структуры. Рекламный буклет отвратительного качества. В «Планете» я делала глянцевого проспекты международного класса. Страшно терять квалификацию. В приемнике истерическим басом завывал модный певец, создавая колорит в экстремальной обстановке, ужасно фонил при этом. Он никак не мог куда-то пойти. Все шел и шел, а пойти не мог, видимо, силы закончились. Дойдешь-дойдешь. Когда-нибудь. Я потрогала горящее ухо. Баландин заметил.

– Вам не нравится? – удивленно спросил полковник. Тоже мне, меломан. Он даже не заикнулся ни разу, видимо, поддерживал ритмичный музыкальный фон на время нашей беседы.

– Не знаю, не думала об этом, в смысле, нравится не нравится, – я скосила глаза на Кальпурнию, дескать, нравится ли ей песня. Кажется, матроне тоже не нравится, Кальпурния явно не переносила современное искусство. Если бы не вышла замуж за Цезаря, сейчас бы не слушала всякую чушь против своей воли.

– А мне очень нравится. И моей супруге тоже, – сообщил Баландин. Я мысленно порадовалась за полковника и его жену. Бог ты мой, у такого еще и супруга какая-то имеется!

– Можно провести конференцию частных охранных предприятий. Организовать выставку специальных средств. Продать их другим организациям. Получится большая прибыль, – сказала я вслух. Словно уже решила отработать свои кровные триста баксов.

И тут я испугалась. Баландин скорчился в своем кресле, съежился, вытянулся, забился, как разогнутая пружина, все это он проделывал в обычной своей манере, глотая воздух и шлепая помертвевшими губами. Кальпурния жестко прищурилась. Наконец-то она увидела своего мучителя в униженном положении. Долго же она ждала этого благословенного момента. Дождалась. Счастливая. Я вежливо улыбнулась.

– Константин Иннокентьевич, я что-то не так сказала? Конференция выправит положение «Кальпурнии», мы привлечем клиентов, распиарим наши возможности, будьте уверены. Деньги потекут рекой. Мы сможем заняться охраной банков на взаимовыгодных условиях. Заводы и фабрики встанут в очередь, чтобы получить наши услуги.

Я спокойно излагала доводы. Мне нравилась собственная идея: если я смогу претворить в жизнь свежую концепцию – мои ставки на рынке труда заметно возрастут.

– И-и-и-и-и... – протяжный всхлип Баландина перекрыл хрипчатый бас Расторгуева.

– Инесса, – подсказала я, стараясь оставаться безупречно вежливой.

– Инесса, – подхватил Баландин, – какие специальные средства вы собрались продавать на выставке?

Полковник справился с очередным приступом. А певец – с поставленной задачей, все-таки дошел. Кажется, он никак не мог пойти до дома. Где у него этот дом находится? Кальпурния заговорщически подмигнула мне, видимо, она встретила во мне избавительницу от каторжного пребывания в охранным предприятии. Она явно хотела сбежать из этого дома. Кальпурния, видимо, взяла меня в тайные сообщницы, могла бы и не подмигивать, я и без нее знаю: если две женщины смогут договориться между собой, то вдвоем, в одной связке они способны сдвинуть земной шар с оси. Легко. И межгалактическая катастрофа обеспечена.

– Наручники, резиновые дубинки, газовые баллончики, бронежилеты, пистолеты, в конце концов, – раздраженно бросила я. Надо же – полковник, хоть и отставной, а в спецсредствах абсолютно не разбирается.

– В «Кальпурнии» ничего нет, даже наручников, – сказал Баландин, изо всей силы плюхнувшись головой на спинку кресла. Голова отвисла назад, тело выгнулось, ноги выехали из-за

стола. Я удивленно воззрилась на разъехавшееся туловище полковника. Невиданное зрелище – полковник, распавшийся на отдельные части, без сердцевины. Можно продавать редкий экспонат на выставке достижений народного хозяйства.

– А как же вы охраняете коммерческие фирмы? – я задала, в общем-то, идиотский вопрос. Охранное предприятие без специальных средств – это что-то новое и экстремальное на рынке охранных услуг.

– Оружейная комната еще не оборудована, наручники потеряли, дубинок у нас никогда не было. Пистолеты мы не закупаем. Хранить негде. Запрещено. Охраняем клиентов голыми руками, – терпеливо объяснял Баландин, слишком терпеливо, будто с полоумной разговаривал.

– А-а-а-а... – понеслось по комнате, эхом отталкиваясь от стен. В этот раз ужасные возгласы вылетали из меня, толкаясь во все углы. Баландин молчал, как истукан. Все-таки заикание – заразное заболевание. Вроде чумы или холеры, короче, настоящая сибирская язва – это проклятое заикание. Теперь понятно, почему в «Кальпурнии» стоит гробовая тишина. Коллектив не выдержал испытаний непредвиденными формами коммерческого сотрудничества. Баландин сам руководит, сам охраняет – самого себя. Сидит крепко. Надежно. В общем, сам себе клиент.

– А ваши клиенты знали об этом? – наконец-то заговорила я, оглянувшись на Кальпурнию. Она еле заметно кивнула мне, дескать, действуй в том же направлении.

– А зачем им знать? – спросил Баландин. – Ваша задача состоит в том, чтобы привлечь клиентов. А там разберемся.

Я вспомнила крутую охрану Бобылева: вертушки с магнитными лампочками, камеры видеонаблюдения, черную униформу охранников, бейджи, сигнализацию, бесстрастные физиономии сотрудников службы. И я безумно затосковала. Мне стало жаль будущих клиентов. Они доверчиво вверяют самое ценное имущество полковнику Баландину, чтобы он сохранил его, а у него даже газового баллончика нет. Полковник хочет, чтобы я обманула предпринимателей, заманив их лживыми и лживыми обещаниями, помогла выкачать из них деньги. Не выйдет. Тоже мне, нашел аферистку по рекомендации. Я не аферистка, я – фляер. Золотой призер на короткие дистанции.

– Константин Иннокентьевич, мне пора. У меня масса дел, я спешу. – Я медленно поднялась со стула, посмотрела на Кальпурнию, подошла к стене и сорвала компьютерный рисунок. Свернула в рулончик и сунула под мышку.

– Что вы делаете, Инесса? – заорал полковник. Я заметила, что он ни разу не заикнулся. Даже не посинел и абсолютно не позеленел. Так и остался бурым, с ярким апоплексическим румянцем на морщинистых щеках.

– Я забираю последнюю жену Цезаря с собой. Я не оставляю ее вам на растерзание. Прощайте.

И я вышла на улицу, чувствуя, что мои щеки пылают от стыда и обиды. Голубенко полагал, что я соглашусь на любую работу. В моем отчаянном положении смешно разыгрывать из себя невинность. Но я не смогу работать в подобном заведении. Не смогу. Буду временно перебиваться переводами. А там видно будет. Вместе с Кальпурнией мы удалились на безопасное расстояние от страшного полковника. На Кондратьевском проспекте я выдохнула скопившееся раздражение. Было от чего разозлиться. Я сердилась на себя, на обстоятельства, на Баландина. Я покопалась в своей голове, отыскивая мало-мальски подходящую мысль. Но там уже сидел Бобылев. Он увесисто разместился во всех миллиардных ячейках неисчислимых мозговых клеток. Никак не прогнать его оттуда. Для этого целую жизнь нужно потратить. Наверное, Сергей не хотел бы, чтобы я работала у полковника Баландина рекламным менеджером. И я воспарила над городом; разогнала тучи, расправила облака, взлетела над серым пологом – за ним сияло весеннее солнце. Яркое, страстное, бушующее солнце. Я купалась в радостных

лучах, крепко прижимая к себе рулончик с изображением освобожденной из плена надменной Кальпурнии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.